Виктор Чепкин

ЕДИНСТВЕННАЯ

половина жизни

Стихи

«Я пишу полжизни
книгу первую,
Точно зная, что она
последняя...»

ОТ АВТОРА

Нередко в последнее время доводилось прямо или косвенно слышать от своих друзей и знакомых сентенцию такого рода: «Ты журналист-профессионал с более чем двадцатилетним стажем, с большим жизненным опытом, хорошо владеющий пером практически во всех жанрах, а существование твое весьма незавидное. Делай бабки! Многие твои собратья в наше время весьма преуспевают». Что ответить? Для меня погоня за личным благополучием никогда не была главной. Терпели и понимали это и в семье. В какие-то времена сделал для себя однозначный вывод: «Лучше день без пищи, чем день без мысли». Это не самозащита, это образ жизни. К тому же я не принимаю и не хочу понять нынешнего «журнализма» – не созидающего, а чаще разрушающего, не стыдящегося брать деньги за оплаченный принцип и презентационную беспринципность. Скучно видеть все это, господа.

Отдав двадцать три года газетному делу, написав сотни статей, корреспонденций, фельетонов, зарисовок и заметок, пережив различные режимы, перестройки, реформы и прочие эксперименты, я знаю, что в моей жизни есть хотя бы сто человек, десять коллективов, кому я помог выстоять в трудный час, выйти из тупика, реализовать желаемое. Мне равно понятны как долго хранимая благодарность героев публикаций, выражаемая при встречах, так и долгоиграющая ненависть антигероев. Стало быть – все не зря.

Журналистика и поэзия – две взаимосоприкасающиеся и взаимоотклоняющиеся ветви российской словесности. Разделенные различными стилями, они, однако, смело переступают границы чужих владений, помогая наилучшим образом воплотиться творческому замыслу мастера. Прозу Сергея Есенина, статьи великого журналиста Анатолия Аграновского я читаю как поэмы. Поэт Маяковский был все же публицистом.

Во всех моих рабочих блокнотах (почему и храню их «с младых ногтей») то там, то здесь деловые записи бесед, совещаний внезапно

прерываются одной-двумя стихотворными строчками, строфой. Никогда не считал это главным – воспринимал как случайно залетевший в трудовой поток мотив с улицы. Но вот что важно. Если раньше внезапно возникшие поэтические образы прерывали поток конкретной информации и даже раздражали, то сейчас конкретная информация, а она все чаще негативного характера, уже отвергается все усиливающимся поэтическим мотивом и раздражает не меньше. Возможно, в таких крайностях рождается та гармония души, духа, к которой мы все бессознательно стремимся.

Я не меняю жизненных установок, не нарушаю верность профессии. Все во власти диалектики, из законов которой больше всего мне понятен закон перехода количества в качество. Потому и предлагаю вниманию читателей те стихи и миниатюры, что накоплены мной за долгие годы, в надежде быть полезным им в повседневности. В моих стихах не все гладко и профессионально, но так я живу, чувствую, мыслю, и я не стыжусь высказанного.

В русском языке слова и фразы постоянно трансформируются, меняя порой эмоциональный смысл, вплоть до противоположного. Пример тому – фраза «я сочувствую». В наши дни она приобрела пустовато-деликатную окраску, потеряла всякую эмоциональную нагрузку. Буркнул в телефон «я сочувствую», и на похороны уже можно не ходить, долг исполнен. Для меня же эталон: со-чувствие дружеского окружения Пушкина, наше молчаливое со-чувствие с душой и голосом Высоцкого.

Я буду счастлив, если читатель на какой-то странице книги скажет: «Я со-чувствую, то есть чувствую и думаю так же». Спасибо!

Самую искреннюю благодарность адресую тем, кто материально помог автору отправить в неведомый путь первую книгу, кто с добрым теплом работал над ней.

С уважением В. Чепкин.

2001 г.

Улыбнись мне при встрече

(1971 – 1985)

ЛЕТНИЕ ЭТЮДЫ

Тополиная неделя

Словно снег,
дороги стелет
Легкий пух:
Тополиная неделя –
Знойный дух.

На асфальте разогретом –
каблучки:
Хороши
Мгновенья лета –
Коротки.

Налетит
Внезапный ветер
Непогод –
Улетит
Пушинкой лето
В новый год.

Утро

Свет июля,
Свежий, синий,
Хлынул в двери.

Если б я
Не жил в России –
Не поверил б.

Станет в памяти
Зарубкой
Этот миг.

Лучше уж не знать,
Как хрупок
Этот мир.

Покос

Выйти рано утром в росы,
Сам себе творец и царь,
Навострить со звоном косу
И – в дороженьку, косарь.
Взмах – и травы оседают,
Недопив прозрачный сок,
Взмах – и падает густая
Кошенина в мой валок.
А вокруг дурман покоса
Опьяняет и бодрит
И звенят на всех прокосах
Оселками косари.

Письмо

Пришло неожиданно.
Не удивило,
А по-предательски
Горло сдавило.
Перебралось
В отвороты сорочки,
Сердце схватило
Костяшками строчек
И опустилось
Тихо на скатерть…
Ночь.
Белый лист.
Человек
Плачет…

Забываю все

Забываю все. Не странно ли?
Словно не поверить глобусу,
Что есть мир с другими странами,
Где всю ночь шуршат автобусы.

Забываю все. Не грустно ли?
Таяла сосулька белая.
Вот последней нотой хрустнула,
И как будто вовсе не было.

Забываю все. Не больно ли?
Выжать из души измученной
То, что, будто парта школьная,
До царапинки изучено.

Забываю все. Не страшно ли?
Как раздвоилась, бедовая!
Ты – любимая вчерашняя,
Ты – неведомая новая…

Повесть

Не превозмочь такой обман –
Без доказательств ясно снова,
Что не окончен наш роман,
Оборванный на полуслове.

И странно знать, что в этот миг
Ты в том же городе планеты
Живешь, встречаешься с людьми,
Все так же любишь лес и лето.

Решусь и, отметая грусть,
Вскочу в заполненный троллейбус,
Что будет – пусть, что будет – пусть,
Что будет – пусть. Лишь поскорей бы.

Толкнув прохожих невзначай,
Ворвусь в твой дом, замру у входа…
– Входи, сейчас согрею чай,
Где был ты все четыре года?

Златоволоска

Из куска бесформенного воска,
Из застывших слез моих свечей
Я леплю свою Златоволоску
В долгом одиночестве ночей.

Я леплю с закрытыми глазами,
До того мне образ твой знаком.
Я его мог наблюдать часами
В свете дня и за ночным окном.

Нет такой, как ты, в греховном мире
И не будет никогда в веках.
Знаю только я, какою силой
Создаю тебя в своих руках.

Знаю, что наутро воск растает –
Умираешь ты при свете дня.
Вот со мной история какая,
Вот какая есть ты у меня.

Ода

Эту истину не разменяют года:
Участь слабой приняв половины,
Там, где сила нужна,
Там, где трудно, – всегда
Была женщина
Рядом с мужчиной.
Я в дорогу опять
Соберусь налегке,
Стих бедовый
Мне душу встревожит,
Но догонишь меня
Ты в моем далеке:
«Подожди!
В одиночку не сможешь».
Если вместе идти,
Не страшна и беда,
Огорченьям
Не будет причины.
Там, где сила нужна,
Там, где трудно, – всегда
Будет женщина
Рядом с мужчиной.

В золоте берез

В золоте берез не зря
Осень листья ворошила.
В середине сентября
Ты меня приворожила.

А потом метель мела,
Но пришли капели,
Ты свела меня с ума
Посреди апреля.

День за днем, за годом год
Разными мы были...
Меж погод и непогод
Жар любви хранили.

Выдох

Пыльную дорогу
Обрывает речка,
С камня, как с порога,
Дым пущу колечком
По воде печальной.

По воде печальной,
Замутненной глиной,
Полетит посланье
Выдоха – к любимой,
Словно звон венчальный.

Словно звон венчальный,
Побродив по соснам,
Звук вернется снова
В обрамленье росном
Отголоском дальним.

Отголоском дальним,
Где слова неясны –
Зримым станет облик,
Грустный и прекрасный,
Откровеньем тайным.

Ожидание

Весна придет, но зиму полюбив,
Мы поначалу не заметим разницы.
Такой же ветер, будто силой дразнится,
Устраивает всюду поле битв.
Такая же печаль шагнет в бессонницу,
И, не поняв рождения весны,
Неистовей любить и громче ссориться
Зачем-то начинаем мы.
За часом час в каком-то полусне,
Теряя зиму и себя теряя,
Мы вдруг увидим – это тает снег,
И это от весны светлынь такая.
И, следуя движению весны,
Глотая свежесть спекшейся гортанью,
Мы вдруг увидим столько новизны,
Что устыдимся своего отчаянья.

Снова соловьи

За снегами, за дождями,
За началом осени
Проклубили между нами
Две тоски непрошены.

Не кляня и не прощая,
Не закончив повести,
Разошлись, не обещая,
Словно тропы по лесу.

Я другой, и ты другая,
Только очень верится:
По лесу идем кругами,
Все надеясь встретиться.

Ведь не зря в погожий вечер
Где-то там, в дали,
О любви поют беспечно
Снова соловьи.

В этих песнях боль и радость,
Всполохи любви.
Так оставьте нам в награду
Счастье, соловьи.

***

Улыбнись мне при встрече,
Улыбнись, как бывало,
Вспоминать-то нам нечего,
Хоть и было немало.
Разве вспомнишь купанье,
Лодку в лунной дорожке.
Разве вспомнишь шептанье:
«Ах, какой ты хороший...»
Вспоминать-то нам нечего,
Разве вспомнишь, как дождь нам
Скрыл дорогу до вечера
Пеленою надежной,
Как над чащей заречной
Сотня радуг играла...
Вспоминать-то нам нечего,
Хоть и было немало.

***

– Играла?
– Нет, любила.
И это чудо было.

– Играла?
– Нет, любила.
И это счастье было.

– Играла?
– Нет, любила.
От страсти умирала.

– Любила?
– Нет, играла…

***

Куда-то земля наша
катится, катится,
А люди на ней
то враждуют, то мирятся.
И только Любовь
в скромном девичьем платьице
Не сломит никто и ничто
в этом мире всем.

Дом детства

Фасадом повернут
Наш дом к переулку.
С мороза войдешь,
О косяк задевая,
И сердце забьется
Неровно и гулко,
Ушедшего детства
Тепло вспоминая.

Рассыплется звонко
Охапка поленьев,
Хранимые годы –
Займутся, как свечи.
И медленно я
опущусь на колени,
Бересту зажгу
Перед дверцею печи.

Поверив огню,
Оживут постепенно
Немодная утварь,
С обоев цветы.
И примут меня
Пожелтевшие стены
В объятия памяти
и доброты.

...Нас властно увлек
Век свершений и бедствий
По горло в делах
Все спешим и спешим...
Пока на земле
Остается дом детства,
Храни его Бог,
Как опору души.

Какие были люди!..

События тех лет удалены,
Но бродит память меж делами нашими.
«Какие были люди до войны!» –
Нашел я вздох в воспоминаньях маршала.
Какие были люди до войны?
Кто не спросил у них совета мудро? –
Разрывом бомб оборваны их сны
В то даже Богом проклятое утро.
Какие были люди до войны?
По хронике и книгам знаем малость.
Но верить хочется: такие же, как мы,
И что-то лучшее от них у нас осталось.

Сосед

Говорил, присев устало,
Что на Волгу едет скоро.
Память о боях осталась
На краю степных просторов.
Говорил, что встретит Саньку –
С ним дошли до дней Победы,
Вспоминал, как полз он к танку
И назад – с кровавым следом.
Говорил: сестру увижу,
Поклонюсь ей как солдату –
Под огнем две теплых жизни
Волокла до медсанбата.
Говорил, там соберутся
Те друзья, что всех дороже…
Без него бойцы сойдутся –
Две недели он не дожил.

Память

Воронки и рвы зарастают бесследно.
У памяти принцип иной –
Отец мой, участник Парада Победы,
Доныне живет той войной.
Да он ли один, кто прошел через пламя,
Не сгинул в огне молодым,
Кого постоянно нещадная память
Уводит в бомбежки и дым.
Нельзя позабыть перебежки и марши,
И гибель друзей на глазах,
И все заслонившее детское «Наши!»,
И женскую радость в слезах.
Воронки и рвы зарастают бесследно.
У памяти принцип иной.
Сыновний поклон вам, солдаты Победы,
Навечно ушедшие в бой.

***

Выйду с матерью в сени
Я по давней привычке –
Ровно в шесть в воскресенье
Ухожу к электричке.
– Не ходи дальше, мама,
Не ходи за ворота…
Но с испугом, упрямо:
– Провожу, что ты, что ты!
Мы выходим тропинкой
На Большую дорогу,
Под простою косынкой –
Взгляд печальный и строгий.
Речь ведем ни о чем,
Говор слушаю плавный.
Недосказано в нем
Что-то самое главное.
Мама, мама моя,
Ты ведь все понимаешь.
Я иду, боль тая,
А ты знаешь, все знаешь…
Чаще было: на сечь
Жизнь меня приводила.
Оградить, уберечь
И тебе не под силу.
Поцелую в морщины,
До отправки – немного.
– Не ходи, где машины,
Осторожней в дороге!
…Поезд примет разгон,
В синеве растворится.
За меня у икон
Мать осталась молиться.

Речка Каменка

Речка Каменка,
Уральская речка
В узорных проталинах
Сверкает колечком.
Холодным пламенем
Морозы палили.
Но журчит речка Каменка –
Не на ту навалились.

ПРИРОДЫ ЗОЛОТОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ *(1979)*

Венок сонетов

I.

В природе все должно идти по кругу –
Я убеждался в этом, и не раз.
Порою не поверишь даже другу,
Когда внезапно он тебя предаст.

Но где-то в глубине твоей души,
Под наледью печали бесконечной,
Увидишь ты так ясно, как в тиши
Звенят ручьи, бегут в мороз беспечно.

Склонюсь к ручьям в поклоне за работу,
Благословляю крах круговорота:
Весною – солнце, осенью – дожди.

II.

Весною – солнце, осенью – дожди,
Сначала призрачно, потом прозрачно,
Еще хоть сто столетий проживи –
Закон природы будет однозначным.

Зачем же в ожиданьи холодов,
В предчувствии сиреневых рассветов
Ты остановишь шаг свой у мостов,
Где голубой воде приснилось лето.

И станет грустно, что твоя рука
Согреть не сможет эти берега, –
Напрасны тела и души потуги…

Потом ты заболеешь той виною,
Потом ты вдруг застонешь за стеною
Зимой, услышав завыванье вьюги.

III.

Зимой, услышав завыванье вьюги,
Накинув плед и засветив свечу,
Ты вдруг увидишь, как смычком упругим
Проводит Гайдн по нервам скрипачу.

И добровольно подчиняясь боли,
Уж не его, а всех, кто рядом есть,
Твердит скрипач о счастье и о воле,
Один за всех, когда ушел оркестр.

Слеза его, за музыкой срываясь,
Летит звездой, лед на сердцах сбивая…
Несут цветы, зачем ему они?
Разметывает вьюга плен сугробов,
Карает зло упрямо и сурово –
Покой храни и потепленья жди.

IV.

Покой храни и потепленья жди,
Лови живые трепетные звуки,
Отогревай их в пламени свечи
И отдавай в протянутые руки.

Но если огонек твой слишком мал,
Чтоб отогреть все зябкие ладони,
Согрей того, кто по-людски устал,
Спалил себя, но ничего не понял.

В сухую осень в дремлющем лесу
Зажги костер и собери листву,
Передохни, пусть отдохнет он тоже.

Как хорошо молчать, когда один,
Как ровно и светло горят огни…
Но будет в ноябре холодный дождик.

V.

Но будет в ноябре холодный дождик,
Заставит первый снег ретироваться,
На город хлынет, что, ошибки множа,
Готов был в чистоту гримироваться.

Лишь не дано ему в тебя пролиться,
Смыть акварели, оставляя воду.

Когда огни не могут разделиться,
Им не страшны любые непогоды.

Легко вдвоем – спокойно и уютно,
Рука в руке, вдвоем, где даже людно,
Глаза в глаза, забыв про невезенья…

Танцуют фонари, кружится ветер,
Струится свет сквозь кружевные ветки,
На рыхлый снег ложится серой тенью…

VI.

На рыхлый снег ложится серой тенью
Рассвет ноябрьский, вышагнув с балкона.
Два человека – два больших явленья –
Свою судьбу качают на ладонях.

Им в эту ночь приснился белый город,
Куда они должны войти из мглы,
Где любят все и все не знают горя,
Где зимы, весны, осени – теплы.

Огонь к огню – нет в мире выше счастья,
Объятия – как символ соучастья.
Ничто мечту не может потревожить.

Качается земля отжившим зданьем,
Ядро одной любви – центр мирозданья.
Закрой глаза и ощути всей кожей.

VII.

Закрой глаза и ощути всей кожей,
Как бьется сердце близкое, родное,
Которое шагнуть к тебе не может,
Но и любви своей уже не скроет…

Зарубки зарастают постепенно,
Лишь шрамом о себе напоминая,
Останься в моем сердце неизменной –
Тебя не может вытеснить другая.

Ношу в кармане маленькое фото,
Как будто снова прячу от кого-то –
Не улети от ветра дуновенья…

Искрится снег, на сосны оседая,
Танцует девочка, куда-то улетая, –
Природы золотое вдохновенье.

VIII.

Природы золотое вдохновенье.
Оно в паденьи листьев тополей,
Оно в закатном соловьином пеньи
И в крике запоздалых журавлей.

Природы золотое вдохновенье.
Оно находит свой заветный миг:

Предчувствуя уход, в оцепененьи,
Направить в небо свой прощальный крик.

В неведеньи – услышат, не услышат.
Кто жив еще или давно не дышит,
Чужим и близким, позабытым, милым…

В последний миг, в последнем наступленьи:
«Я – был!» – шепчу в безумном исступленьи.
В том вдохновеньи первородство силы.

IX.

В том вдохновеньи первородство силы,
И в этом парадокс и компромисс,
Когда летишь к звезде, расправив крылья,
И, обессилев, падаешь вдруг вниз.

В пустом саду раскрывшийся цветок
Легко сорвать, коль плохо оградили,
Не ведая, что рвать не вышел срок,
Не зная, для чего его растили.

Когда чужою обладаешь волей –
Легко утратить состраданье к боли,
Что причиняешь неразумной силой.

Но верю я – не жажда самовластья
В стремленьи к новизне, короткой страсти
С наивностью слились, простой и милой.

X.

С наивностью слились, простой и милой,
И ясный ум, и девичье кокетство –
Так царственно природа наделила
Посланницу безоблачного детства.

В том единеньи все очарованье –
Источник поэтических волнений,
Которые и розовою ранью
И в зрелости полезны, без сомнений.

Любовь почти на грани расставанья
Была всегда основой возмужанья,
Хоть пережить ее так нелегко.

Прикосновенье в полутемном зале –
Уже близки, хоть ничего не знали,
Забыв, как их друг к другу повлекло.

XI.

Забыв, как их друг к другу повлекло,
Огонь с огнем неодолимо слили:
Она – свое уютное тепло,
Он – веру в бесконечность силы.

Босые беглецы от суеты
В неистовство родных прикосновений –

Есть я и ты, есть я и ты, есть мы –
Природы золотое вдохновенье.

В одно соединились половины,
Разбросанные по свету безвинно,
Пусть дольше единенье их продлится.

С одеждами снимая наносное,
Два тела освящаются весною –
С тем волшебством нельзя не согласиться.

XII.

С тем волшебством нельзя не согласиться –
Коварной недоделкою природы,
Когда душа не хочет разделиться,
А сердце просит для себя свободы.

Ну что ж, душе привычней быть в тиши,
Великой в одиночку притворяясь,
А сердцу тесно в келии души –
Оно растет, о камни ударяясь.

Безумные глаза при свете дня –
Уходят друг от друга два огня,
Не обещая вновь соединиться,

Презрев обыденность, презрев покой.
Извечно сердце бой ведет с душой,
Когда добро со злом решилось биться.

XIII.

Когда добро со злом решилось биться,
Отбросив прочь сомненья и усталость,
Иди вперед и отпусти синицу,
Ту, что сама в руках осталась.

Но если заплутав к исходу дня,
Ты не придешь к желаемому раю,
Вернись к костру, который я, храня,
Лишь для тебя от всех дождей спасаю.

И я смотрю, глаза не опуская,
Как светлый образ твой во мраке тает –
Мой факел, сквозь дождливое стекло.

Предчувствую обратным отраженьем
Бой за мечту – смертельное сраженье,
Чтоб возвратить ушедшее тепло.

XIV.

Чтоб возвратить ушедшее тепло,
Которое ты унесла с собою,
Я навзничь опрокидываю зло
И выхожу вперед, готовый к бою.

И та любовь, то счастье, тот упрек
Мне станут путеводною звездою.

Жаль одного: никто не знает срок,
когда огни сольются меж собою.

Знать суждено – вперед, не отступая,
Туда, где мы друг друга отыскали
И без сомнений приняли друг друга.

Я верю в новое прикосновенье –
От бед и одиночества спасенье.
В природе все должно идти по кругу.

XV.

В природе все должно идти по кругу:
Весною – солнце, осенью – дожди.
Зимой, услышав завыванье вьюги,
Покой храни и потепленья жди.

Но будет в ноябре холодный дождик,
На первый снег он ляжет серой тенью,
Закрой глаза и ощути всей кожей
Природы золотое вдохновенье.

В том вдохновеньи первородство силы
С наивностью слились, простой и милой,
Забыв, как их друг к другу повлекло.

С тем волшебством нельзя не согласиться,
Когда добро со злом решилось биться,
Чтоб возвратить ушедшее тепло.

Листва моих календарей

(1983 – 1993)

***

И это надо пережить,
Когда проверкой прошлых дней
Явилась осень ворошить
Листву моих календарей.
Шагает осень налегке,
Все ближе звук ее шагов.
И вижу я в ее руке
Лишь горсть моих черновиков…
Я многое успел, – считал, –
Но выстрелом звучит во мне:
Ты не заплатишь по счетам,
Коль с этим подойдешь к зиме.
Ей не солжешь, что каждый миг
Был полон бренной маетой –
Поэт живет от книг до книг,
Душой паря над суетой.

Круговорот

С листвою вместе не умрем.
Тасуя дни, колодой карт –
Вслед за промозглым ноябрем,
Вслед за холодным декабрем,
Вслед за суровым январем,
Вслед за капризным февралем
Наступит март.
Весна придет…
Святой, как жизнь, круговорот.

Братья

У Весны три нареченных брата…
Первый – Март – застенчивый и нежный,
Он боится, чтоб Зима обратно
Не вернулась с покрывалом снежным.

А второй – Апрель – драчун, задира,
Где пройдет, там ручейки помчатся,
У него с Зимою нету мира –
В этом он сильней родного братца.

А потом, желанным утром ярким,
Май приходит, завершает дело:
Он несет зеленые подарки,
Чтобы все ожило и запело.

Так уже века, тысячекратно
Три кудесника преображают край.
У весны три нареченных брата:
Март, Апрель и – самый лучший – Май.

Первый снег

За окном
Фонарь сутулый
Наблюдает удивленно,
Как небесные посланцы
Заселяют
Желтый круг.
Помолчав
У желтых кленов,
Осень
В ярко-рыжих сланцах
С неохотой выпускает
Листья
Из озябших рук.

Снежное утро

В который раз, в какую осень
Все это пережито мною? –
Белейший снег сквозь неба просинь
Одарит город тишиною,
Поймет наивность декораций
Деревьев, потерявших лето,
Он им поможет достояться –
В накидке белой – до рассвета.
Приляжет в парках, на скамейках,
И не уйдет уже добром.
Теперь согнать его сумей-ка!
До мартовской поземки-змейки
Усыпал землю серебром.

Август

Ну что еще поведать о дожде,
Который трое суток шел, без пауз?
И если верить, что реален Фауст,
То дело здесь в какой-то ворожбе.
Ну что еще поведать о листве,
Которая все лето шелестела,
А ныне – изумленно-онемело
Лежит на тротуарах и дресве?
Ну что еще поведать о тепле,
Которое, надеюсь, не приснилось?
И нам погода оказала милость,
Оставив память солнца на челе.
Ну что еще поведать о былом,
С которым разошлись на курсах встречных?
Оставлен снимок жизни быстротечной
Листвой, загаром, солнцем и теплом.

***

Совсем недавно пело лето,
Все соки трав в полях даря,
Но пролетело время это,
Как легкокрылая заря.
Календаря отрезок малый,
Но как он будоражил кровь,
Когда природа раздавала
Всем сущим на земле любовь.
Теперь в сиреневых рассветах
Пришел денек, ушел денек.
Лишь возвращают память лета
Линялых трав остатки цвета
Да белолобый стригунок.

***

Все реже в драпировке неба просинь,
Все откровенней падающий звук.
По паркам и аллеям бродит осень,
Нанизывая листья на каблук.

***

Плачет сентябрь, холодком начиняясь,
Чаша дождя наконец-то разбилась –
Кончилось лето, не начинаясь,
Словно любовь подошла, да не сбылась.

Осень

Опять промелькнуло, опять пролетело,
Аллеи и рощи пусты и тихи.
И новая осень продрогшее тело
Приносит к окну моему и в стихи.

Все капает, капает, капает дождик,
Ему все равно, что чернеют холсты,
В которых сентябрь – забубенный художник –
Хотел отразить, как стареют кусты.

Мне осенью дышится легче, но грустно
Затем, что гнетет одиночества миг,
Как будто ломается с тоненьким хрустом
Контакт между мной и тобой, и людьми.

Так долго ли будет? Наверно, до снега,
Пока не замрет все без летних одежд,
Пока не посыплет спасением с неба
Снег прошлых печалей и новых надежд.

***

Березы томятся последние дни
В своем полинялом наряде.
Должно быть, его не жалеют они,
Как девушки – детские пряди.
Им лучше сейчас под метельную песнь
Забыться в холодной постели,
Пока не появится громкая весть
О новой весенней капели –
Что снова согреют на солнце они
Зеленые юные ветви…
Березы томятся последние дни,
Мечтая о будущем лете.

***

Тревожный гомон навесной
Уносят стаи.
Какими были мы весной,
Какими стали?
О, запах убранных полей
И сиротливость,
Лишь листья старых тополей
Хранят строптивость.
Ошеломят голубизной
Лесные дали…
Какими были мы весной,
Какими стали?

Весновидец

Мне в предчувствии весны не спится,
В марте становлюсь я весновидцем.
Путь весны, увы, не идеален –
Сколько еще стужи меж проталин!
Но прохожих подобрели лица –
Это видно и не весновидцу.
Стало быть, весна и в этот год,
Обновляя жизнь, сквозь нас пройдет.

***

Ушла как будто между прочим
от нас весна.
Теперь такие голубые ночи,
что не до сна.

Теперь такие ранние рассветы
и даль чиста,
что хочется прожить на свете
хотя б до ста…

***

Зябко, зыбко, сна ни грамма,
Тянет сыростью с реки.
Выплывают из тумана
Полуночные стихи.

Чуть подрагивают звезды –
Пью дыхание весны,
И ловлю чужие грезы,
И смотрю чужие сны…

В ночь перед Рождеством

Жизнь каждому свою отвесит меру
В пути из Ниоткуда в Никуда.
Коль не осталось ни надежды и ни веры,
Обязана любовь спасти тогда.
Меж Сатаной живем и Божеством,
Сует земных разравнивая груду,
И все ж в святую ночь пред Рождеством
Мы верим появленью Чуда.
Льем воск свечи, у зеркала гадаем,
Бросаем валенок за городьбу
С надеждой, что и отопьем, и отрыдаем,
И мир исправим, и свою судьбу.

Первополосная поэзия *(1982 – 1995)*

***

Когда на пик, а не на плоскость
Звучит призыв по фронту зычно –
Поэзия – первополосна,
В противном случае – вторична.

Когда неоспоримы сроки
«Бураны» двигать из ангаров,
Литература – глас пророка,
В противном случае – фанфары.

Когда обещан путь счастливый,
В который выступаем дружно,
Искусство – свободолюбиво,
В противном случае – не нужно.

Родство

Текучка буден не остудит
То главное, зачем в пути:
Моя земля, родные люди,
И выше темы не найти.
Порой в житейских теоремах
Погрязнешь так – не продохнуть,
Но как недуг – долг перед темой
Терзает, бьется болью в грудь.
К ней не подступишься с наскока,
Не пропустив через себя,
Тем явственней ее истоки,
Чем ближе к ней твоя судьба.
В моем роду есть и крестьяне,
И заводчане всех мастей.
Их не увидишь на экране
В сюжетах свежих «Новостей».
И я преемственность их доли,
В достойной мере испытал:
Мне ведома работа в поле,
Моим рукам знаком металл.
Мне ничего дороже нету
Причастности к простой судьбе –
Жива и будет жить планета,
Пока мы с ней в таком родстве.

С днем рождения, город родной!

Города рождаются и крепнут,
Поднимая ввысь свои дома,
Кто-то помнит, как большой деревней
Называлась Верхняя Пышма.
Город вырос, что ни говорите,
Но в первооснове перемен –
Открыватель и первостроитель:
Медный рудник – ПМЭЗ – КУЭМ[1].
Грешен, ныне злоупотребляю
Аббревиатурами слегка,
Но к земле навечно прирастают
ПОЗ, УЗХР, ЗСМК[2].
Города рождаются и крепнут,
Мастерами заселив дома.
Отвечать истории конкретно
Учит граждан Верхняя Пышма.
Город есть, останется и будет,
Продолжая множить этажи,
Потому что строят его люди,
Чтобы в нем любить, работать, жить.

[1] ПМЭЗ – Пышминский медеэлектролитный завод; КУЭМ – Комбинат «Уралэлектромедь». Ныне УГМК – Уральская горно-металлургическая компания.
[2] ПОЗ – Пышминский опытный завод; УЗХР – Уральский завод химических реактивов; ЗСМК – Завод сварных металлических конструкций.

Мой город празднует Весну

Мой город празднует Весну, –
Он молод и наряден,
Он как солдат, за высоту
Представленный к награде.
От транспарантов и знамен
Проспекты стали краше.
Сегодня вместе со страной
Мой город в мирном марше.
Кумач наполнив на ветру,
Неразделим на части,
Мой город празднует Весну,
Весну Труда и Счастья.

Завещан город нам

Сужается нейтральная полоска –
Врос город в город.
Город, породненный со Свердловском,
И стар, и молод.
Он ценит труд, как главную святыню,
И крепче нету –
От рудничных мастеровых доныне –
Той эстафеты.
История свершает круг –
Не в этом принцип.
Здесь все – творенье ваших рук,
Верхнепышминцы.
Разлив сирени по дворам,
Металлов спектр –
Завещан это город нам
На долгий век.

Этажи

Этажи, этажи вырастают,
В них строители жизнь пробуждают,
Оставляют тепло ладоней
В каждом здании, в каждом доме.

У строителя биография не из строчек –
Вся она из лесов новостроек.
Как медали, в ней строки обычные:
Сдан досрочно с оценкой «отлично».

Солдат

Есть на Земле такой солдат –
Он никому не хочет смерти,
Но твердо держит автомат –
За всех людей, за мир в ответе.

Родные рубежи храня,
Стоит он, молод и спокоен.
Свободы крепкая броня,
Солдат Земли – российский воин.

Я бы стал часовым

Неужели войне
Не дано навсегда успокоиться?
Похоронят, но вновь
В колыбель прокрадется война.
Если б знать довелось,
Где останки
Минувшей покоятся,
Я бы стал часовым,
Чтоб вовек
Не проснулась она.

Сатирические четверостишия

Во мне слились влюбленный лирик
И непрощающий сатирик,
Уж сколько лет они дуэтом
Поют баллады и куплеты.

***

Поют поэты правду миру.
Превыше дачи и квартиры,
Превыше сытости – их честь.
Где бы сейчас таких прочесть?

***

Был физик он. Аморфность тел
Мечтал познать. Не преуспел.
Зато постиг ее в натуре,
Работая в номенклатуре.

***

До ЖКО торя тропинки,
Я выжил холодам назло.
Недаром, знать, сносил ботинки:
Весна пришла, и с ней – тепло.

***

В мечтах воздушно-бриллиантных
Как ей хотелось на пуантах
Парить над сценой в па-де-де…
Но засосало варьете.

***

Жил артист. Не скопил он наличности,
Но фортуна нежна к нам порой:
Вышел фильм медицинский «Падение личности»,
В нем он был самый главный герой.

***

Бочком, меняя цвет личины,
Добрался до постов и чина.
Зато теперь во весь опор
Летит на красный светофор.

***

– Слышал, сериал снимают снова?
– Да, шестнадцать фильмов впереди.
– А литературная основа?
– Афоризм Козьмы Пруткова «Бди!».

***

Три недели не было деталей,
Привезли – авралил цех неделю.
Сами себе трудности создали,
Но зато геройски одолели.

***

Трижды брали цвет акации,
Где дорогу ремонтировали.
Весть пришла о важной делегации –
За ночь все заасфальтировали.

***

Под мостом, под мостиком
Рыбки книзу хвостиком.
На воде – разводики,
На берегу – заводики.

***

Наверх был выдвинут за то,
Что знал, кому подать пальто.
А сам он тянет на «престол»
Тех, кто с умом накроет стол.

Люди-омуты *(1997 – 2001)*

РОССИЯ

1.

Что это было, Россия?
Сладили острог, не струги.
Что у тебя не спросили
Мы, проходя друг за другом?
Плюнули в наши колодцы,
Спутали мысли и речи.
Не оттого ль уколоться
Тянется человече?
Повеселились, и будет –
Чувствую стон Человека:
«Что ж вы наделали, люди
До двадцать первого века?

2.

Посшибали с колоколен кресты,
Обобрали купола, свалили в пыль,
Гоношились: мол, Господь вс простит.
Ну, а он на этот раз не простил.
Все сумели предсказать, предрешить,
За потомков и посеять и сжать.
Мы живем, как и положено жить
Тем, кто крест сумел нательный продать.

3.

Я не знаю, как кричат рыбы,
Когда режут по живому животы.
Я не знаю, как кричат реки,
Когда валят в них отходы и плоты.
Я не знаю, как кричат сосны,
Когда видят у корней топоры.
Я не знаю, как кричат травы,
Когда режут их косой до поры.
Но я знаю, как кричат люди,
Видя гибельность этой игры.

4.

Жили ладно, жили шито-крыто
Под навесом неплохих идей,
Как дожили мы до дефицита
На десяток истинных людей?

Как случилось? Что в нас не восстало,
Когда кормчий поломал весло
И нас вниз, к вассалам-феодалам,
По теченью страха понесло?

В нашей лодке были и другие,
Кто пытался развернуть корму,
Но мы сами руки им рубили
И бессильных сбрасывали в тьму.

В этом деле все мы преуспели,
По цепочке нагнетая страх,

В оболочке дряхнущего тела
Гнили души, обращаясь в прах.

Так и плыли, одичав личиной,
Закрывая за окном окно.
Поклонялись не уму, а чину,
Честь и совесть бросив под сукно.

Чьи там тихо шевельнулись губы:
«Эх, куда нас, братцы, занесло…»?
Мы толпой навалимся и сгубим
Тех, кто сыщет новое весло.

5 .

Провинция болеет и болела
От несваренья дела и речей.
Свое многоизмученное тело
Она залижет у тепла печей.
И снова станет верою томиться
по-русски, не накапливая зла,
Что, может быть, на этот раз столица
Не к разоренью повернет дела.

6.

Над Россией рок
Крылья распростер,
Вдоль и поперек
Заслонив простор.
Что за тяжкий крест
На спине несем –

От родимых мест
Не несет теплом.

Кружит воронье
Над былым жнивьем.
Все кругом – вранье,
Этим и живем.

7.

Мы просили власть – явились хамы,
Взяли власть и землю кровью оросили,
Но если по России строят храмы –
Ничего не рухнуло в России.

8.

Мы вышли на игру,
Взяв силу у Руси.
Леса, меха, икру –
Руби, лови, грузи!
В сон погружен Закон –
Не страшен он для нас:
Нефть, минералы, газ
Воруй – и за кордон.
Орал больной Арал,
Кричал в тоске Байкал –
мы пропили причал
Начала всех начал.
Теперь ругайся, плачь
На весь СССР.
Проигран нами матч
«Природа – НТР».

Колыбельная сыну

Мерно бьют часы,
Вечер сны прядет.
Засыпай, мой сын, -
Сталин не придет.
Золотые сны
Нити к тебе тянут.
Засыпай, мой сын, –
Берия не встанет.
Сны твоей весны
Сбудутся стократно.
Засыпай, мой сын, –
Сгинут бюрократы.
Пеплу злых годин
По ветру не виться.
Засыпай, мой сын, –
Тишина продлится.
У тебя седин
Не должно быть в тридцать.
Засыпай, мой сын, –
Век не повторится.

Давайте говорить!

Давайте помолчим!
Мы столько говорили,
Что потеряли нить, и логику, и мысль.

Давайте помолчим!
Мы столько натворили,
Мы даже слову «жить» придали пошлый смысл.

Давайте говорить!
Мы столько лет молчали,
Что только седина все сможет рассказать.

Давайте говорить
Словами из начала,
И Боже сохрани опошлить все опять.

***

Немало бедствий видела Россия –
Гремели войны, орды проносились,
Но чтоб учителя на хлеб просили
У Родины?
Такого еще не было в России!

Немало горестей видало наше небо –
Набеги, мор и прочие разоры,
Но чтобы детям не хватало хлеба
В России?
Такого еще не было позора!

Отсталины

Не обольститься б гимнами,
Мол, в прошлом все оставлено,
Пока еще не сгинули
В небытие – отсталины.
Их лица кабинетные
Отнюдь не опечалены –
Под новыми портретами
Сидят теперь отсталины.
И видно, что по-прежнему
Лавируют в проталинах
Перерожденцы Брежнева,
Зачатые от Сталина.
О, время краснобайское
С набором слов засаленных,
Скулят про годы райские
Между собой отсталины.
Но если б только мыслями
На новизну оскалились!
Решаются на выстрелы
Из-за угла отсталины.
Не пулей, так бумагою,
Где ложь с цитатой свяляны –
Клевет ночную магию
Придумали отсталины.
… Густ строй за баррикадою,
Патроны нам доставлены,
Но кто-то рядом падает, -
То в спину бьют отсталины.
Не обольститься б гимнами,
Мол, в прошлом все оставлено,
Они еще не сгинули
В небытие – отсталины.

Молитва

Не от пуль и отравы,
Не от скудных идей –
Упаси, Боже правый,
От случайных людей.

Дай поднять наши храмы,
Что снесли до основ
Негодяи и хамы
В оболочках чинов.

Возврати нашу веру,
Что купили за так,
Километрами нервы
намотав на кулак.

Пробуди нашу совесть,
Чтоб казнить за обман
Глянцевитую повесть,
Конъюнктурный роман.

Есть глаза, слышат уши…
Кто же нас так избил,
Кто так плюнул нам в душу,
Что взлететь нету сил?

Не от пуль и отравы,
Не от скудных идей –
Упаси, Боже правый,
От случайных людей.

***

Этот город – надвое распорот.
Снизу – жизнь, а наверху – болото.
Кто и где решил, что это город?
Видно, с «бодуна» большого кто-то.

Здесь в ходу обман и полумеры,
Что ни прапор – лучший командир.
Здесь легко живут лишь лицемеры,
Честь сменив на теплый вицмундир.

Даже внешне – быть ли ему чистым?
Вырваться ли из мещанских пут?
Это город, где убили журналиста,
и еще не одного убьют...

***

Завершается столетье
Маеты и междометий,
Нерешаемых вопросов,
Скрытых мнений и доносов.

Завершается столетье –
Эра пряника и плети,
Непереносимой боли
И безвыходной неволи.

Завершается столетье –
Мы распутываем сети
Недомолвок и клевет –
Все слышнее «да» и «нет».

Завершается столетье,
И рассвет уже заметен,
Изгоняемая прочь,
На деревьях виснет ночь.

Завершается столетье…
Не простят его нам дети…

Деградиада

1.
Словно от большой попойки,
Где был долго бит,
У меня от перестройки
Все внутри болит.

2.
Где ты, Россия,
Где ты?
Только стон из колодца:
– Сил нету!..

3.
Взрывы да пожары, беженские плачи.
Это наказанье Божье – не иначе.
За свои амбиции, за свою дремучесть
Крест несем тяжелый, падая и мучась.

4.
Не изменяем российской напасти –
Явную дичь оправдать непременно.
Нет, чтоб сказать «сумасшедшие власти», –
Мы все твердим про безумные цены.

5.
Кто мы на этой планете?
Вечной природы дети.
Кто он, решивший, что мы –
Дети разбоя и тьмы?

Люди-омуты

Все правишь к берегу какому-то.
По мне, желанней тот, что дальше,
но держат лодку люди-омуты
в зеленой ряске лжи и фальши.

Я не боялся тихих заводей,
уверен был в добре и силе.
Но если б рассказал кто загодя,
как увязают весла в иле.

Как обессиленно, измученно
Вдруг бросишь руки меж коленей,
и, весла приподняв в уключинах,
подводный сад шепнет о плене.

Все правлю к берегу какому-то,
послав покой куда подальше,
но держат лодку люди-омуты
в зеленой ряске лжи и фальши.

Лесной мой бог меня не остерег

(1996 – 2001)

БАЛЛАДА О КОСТРЕ

1.

Прервалась жизни нить,
Костер устал гореть,
И нечем больше жить,
И негде умереть.

Я разжигал костер
На лиственном ковре,
И виден был простор
Для нас в том сентябре.

Мы грелись у костра,
Высматривая дали,
И молча до утра
Все о себе сказали.

Горел костер с тех пор,
Пути нам освещая,
Сердец двух разговор
Был ровным, как в начале.

Но лютые ветра,
Разбив костер и льдину,
Умчали в никуда
Вторую половину.

Я бросился вдогон,
Еще надежды полный,

Но плач твой или стон
Вмиг заглушили волны.

Вдали – ни огонька,
Он слаб на ближней льдине,
Волна зла и горька,
И я – посередине.

Судьбы прервалась нить,
Костер устал гореть,
И нечем больше жить,
И негде умереть…

2.

К тому осеннему костру,
Где согревались мы с тобой,
Уже один я подойду
Без той единственной, без той…

Я, помню, разжигал костер
На пестром лиственном ковре.
Ничто не заслоняло взор
В том сентябре, в том сентябре.

Тепло нам было у костра:
Без дрожи всматриваясь в дали,
Мы молча просидели до утра,
Но о себе почти все рассказали.

А недосказанное то «почти» –
Мой монолог, твой плач бессонной ночью…
Ты письма наши ранние прочти –
В них и не мыслилось дойти
до крайней точки.

***

Мы вроде все решили:
«Баш на баш»,
Но действовали путанно
И странно.
Мы разделили
Наш седьмой этаж
На третий и четвертый...
В разных странах.

Мы разорвали книги
и слова,
И все тряпье
порезали на ленты.
Зато я прав.
Зато и ты права.
И мы живем на разных континентах.

Не запаять
разломанный магнит,
Не заплатить
дырявою монетой.
Зачем же сердце
о Земле болит,
Коль выбран старт
на разные планеты?

А сын, не поделенный впопыхах,
Остался на границе тьмы и света.
С недетской укоризною в глазах
Обещанную нами ждет Планету.

***

Я очнулся
На лесном ковре.
Надо мной
Июльская листва.
Но я ведь умер
В прошлом декабре,
Двадцать дней
Не дотянув до Рождества.
Девять дней минуло,
Сорок дней,
Вот уже полгода
Миновало.
Я познал в себе
ходы червей,
Знаю тяжесть земляного вала.
Слышал над собою голоса
То любви, то праведного гнева.
Слез моих хрустальная роса
Ранним утром устремлялась в небо.
Я вернулся
В этот непокой,
Заново учусь
Дышать и мыслить.
«Быть или не быть?» –
Вопрос простой.
«Быть!» – в прямом
И переносном смысле.

Господи, прости
Меня, прости,
Что, не завершив
Пути и дела,
Душу я задумал
Отпустить
Из поломанного
Жизнью тела.
А она меня
Ждала века.
Сколько ей
Еще потом томиться!
...Те же надо мною
облака.
Но теперь я стал
В них видеть лица.

Осеннее танго

Осенняя печаль
Ко мне стучится в двери –
И ничего не жаль,
И никому не верю.

Завьюжит суета
Круговоротом снежным:
И ты уже не та,
И я уже не прежний.

Жизнь пошла иль пошл*а* –
Лексическая шалость.
Была любовь – прошла.
И ты не задержалась.

Кричу куда-то вдаль:
Ты есть, я в том уверен…
Осенняя печаль
Ко мне стучится в двери.

***

Лесной мой бог меня не остерег,
Судьбой даруя вольного искателя:
На перекрестке тысячи дорог
Я выбрал стрелку с ложным указателем.
Но это стало ясно лишь теперь,
Когда, себя истратив бесполезно,
В конце пути я обнаружил дверь,
а приоткрыв ее, увидел бездну…

Прозрение

Теперь из дальней стороны,
Где я судьбою остановлен,
Я понимаю, что равны
Мы оказались пред Любовью.

Как мы глупили перед ней,
Не сберегая дорогого –
Теперь, за думой в сотни дней,
Я вдвое пристальней к былому.

И если бы сплетенье сил
Меня могло вернуть к истокам,
Тот день бы нас не разлучил
Бесповоротно и жестоко.

Так набирает точность слог,
Рассвет сгоняет ночи хмурость –
Как самый грустный эпилог
За слепотой приходит мудрость.

Гололед

Я иду по голому льду
И не знаю, где упаду.
Вероятно, придумано это,
Что зима повернула на лето,
Чтоб не думали мы на ходу,
Что идем по голому льду.

Я иду по голому льду,
По-язычески чуя беду.
Гололед – фальшпанель января –
От земли отлучает меня.
Без опоры в бредущем ряду
Я иду по голому льду.

Я иду по голому льду.
Вероятно, иные считают,
Что весною снега и льды тают.
Каждый год для меня – недолет.
Не проходит в душе гололед.
Я иду по голому льду.

Гонка

Стемнело. Путь непрочен.
Коль не враги уже,
Съезжай-ка на обочину
На ближнем вираже.
Мы разом стартовали,
Надеясь на гран-при,
Но чувство потеряли –
Без правил понеслись.
Газуя в исступлении,
Охвачены борьбой,
Все лучшие мгновения
Забыли в гонке той.
Съезжай-ка в грязь осеннюю
За метр до виража –
Пусть тишиной спасения
Наполнится душа.
Сними очки туманные,
Освободись от краг –
Безумные, гуманно ли
Вдвоем лететь в овраг?
Мотор глуши, ключ выкинь,
Взгляни в мои глаза.
Ту гонку, где погибнем мы,
Нам продолжать нельзя.

***

Шел Апрель,
Шел парнишка Апрель
Переулками и перекатами.
Умирала любовь
Под капель,
Или наши с тобой
Слезы капали?..

***

Как ответ на взгляд молящий «Где ты?» –
Потерялась линия прямая.
В городе бушует бабье лето
Компенсацией за то, что ждали с мая.

Бабье лето – символ увядания,
Холодов грядущих откровение –
Девушке, спешащей на свидание,
Это не понять. Все в ней весеннее.

Одиночество

Человек в одиночество падает как?
Человек в одиночество падает так:
Поначалу с любимой не так и не сяк,
Постепенно с друзьями не так и не сяк,
После мрачные мысли за каждый пустяк,
После черные думы на каждый пустяк,
А затем откровенье – все в жизни не так,
А потом осознанье – все в жизни не так,
Следом все погружается в холод и мрак –
Человек в одиночество падает так…
Не спасает даже отчество,
Что дал сыну,
Погружаюсь в одиночество,
Как в трясину.

***

Неожиданно-желаемо и жданно
Ты пришла, и это – не игра.
– Мне сегодня было страшно, Анна.
Если можешь, оставайся до утра.

Сапоги снимает – в реверансе,
Выпрямилась и, презрев года:
– Я останусь, только ты останься,
Только ты останься навсегда.

***

Зима одела в белое знакомые места,
Все кляксы грязи снегом запорошены.
С начала все начну и с чистого листа –
Мне надоели рукописи прошлые.

И пусть строка шагов окажется легка
И не похожа на строку чужую.
Я ныне путь держу туда – за облака –
И верю, что на этот раз дойду я.

Зима одела в чистое мой город – мой приют,
Где часто слышен смех, то злой, то беспричинный.
И, чтоб не влиться в хор, я все равно уйду
Туда, где ждут меня мои вершины.

***

Шагая наугад
Из неродного дома,
Внезапно встретил взгляд,
До горечи знакомый.

Взлетевший искоса,
Пронзил он соучастьем:
Зеленые глаза –
Моя беда и счастье.

Глаза в глаза, в упор,
Сердец единый ритм,
Секундный разговор
О вечном говорит.

До губ твоих всего
Коротенький шажок…
Мне страшно от того,
Что мне так хорошо.

***

Вот ты вошла. И обожгла
таким чужим, спокойным взглядом.
Когда-то рядом ты жила.
Когда-то ты жила здесь рядом.

Поклон Богам за идеал,
За мои поднятые крылья –
Я в первый миг тебя узнал,
И ты – узнала и открыла.

Сидишь. Молчишь. Все решено,
Как в тех сюжетах бесконечных.
Миг счастья, а потом – кино:
Печаль за вспышкой быстротечной.

Но не отрину этот миг
Я и в аду, реестр листая:
Как мчались две стрелы любви,
Все на пути своем сметая.

Я твердо знал: Любовь пришла,
Мы вровень сердцем, ясны взгляды…
…Когда-то рядом ты жила,
Когда-то ты жила здесь рядом.

***

Ну вот мы и сравнялись,
И сравняли
Все то, что отличало
Нас от прочих:
Почти враждебность
Отношений днями
И торжество безумия –
Ночами.

Ну вот и наступило
Отрезвленье
Пьянящей встречи,
Первого касанья,
Того, чему не выдумать
Названья, –
Сгоревшего до точки
Угасанья.

Ну вот и все –
Отринуты сомненья,
Досказаны все фразы и слова.
Какую же еще-то боль-мученье
Вместит моя седая голова…

***

О как же ты была красива –
Издалека теперь видней.
Я о тебе пишу курсивом
На обороте прошлых дней.

Сон-стон

Душераздирающий стон –
каждую ночь этот сон,
Будто теряю я тебя
В лесу и в городе,
В море и в пустыне –
Кровь стынет.
Вот такой у меня сон,
И никуда не уходит он –
Сон-стон.

***

В моем саду березки-недотроги
Оделись в непрозрачное стекло.
И снятся мне горбатые дороги
И рук твоих неслышное тепло.

Сны-вещуны. Ни спрятаться, ни скрыться,
Ни обочью пройти, ни поперек –
Из подсознанья в бытие стучится
Тот тайный смысл судьбы, мой скрытый рок.

Все было на пути – и ясность, и тревоги,
Везло и не везло судьбе назло.
А в снах еще горбатее дороги
И все неслышней рук твоих тепло.

***

Задуматься пора бы, что есть «Я»,
И выговорить фразу ясным слогом
В естественной попытке бытия
На берегу покаяться пред Богом…
Известна святость мне, но и порок.
Я в мир входил и оставлял порог,
На дне лежал и на верху вращался,
Со светом уходил – и ночью возвращался.
Без памяти любил и так же ненавидел,
Все понимал и суть вещей не видел.
Лез под обстрел и уходил от стрел,
бит – не убит, горел, но не сгорел.
Мне ведомы и удальство, и страх,
И крылья легкие, и язвы на ногах.

…Итак, начало фразы ясно: «Я...»
Осталось выстроить в порядке слоги
В естественной попытке бытия
На берегу покаяться пред Богом.

***

Отпускаю грехи
той весне.
За стихи.

Отпускаю грехи
и тебя.
За стихи.

Отпускаю грехи –
Ухожу.
За стихи.

Отпускаю грехи...
Отпустите и мне –
За стихи.

КОСТЕР УСТАЛ ГОРЕТЬ

С вечера дождь разошелся вовсю. Мы сидели в темном вагончике рядом со студенческой колхозной столовой. Рассеянный свет проникал через распахнутую настежь дверь. Разыгравшийся осенний ветер пытался сорвать со столовской крыши полуоторванный железный лист, и тот гремел на всю округу.

Осень 1980 года. Страдная пора для журфаковского уборочного отряда завершилась. И можно бы возвращаться домой, да нас отправили помогать математикам. Завтра выходим на их поле. В вагончике командир отряда Витя Чепкин и я, его заместитель по производству, которого все называют «строкомером». Тащиться по грязи через всю деревню в общагу не хотелось, и мы остались ночевать в вагончике – традиционном обиталище отрядного сторожа.

Мы уже четверокурсники, матерые студиозы, до диплома – рукой подать, а там... В вагончике – стол и две широкие лавки, на них-то мы и расположились.

– Вот закончим, Борисыч, универ, – мечтал Витя, – пойдем в газеты. И будем еще писать книжки. Подадимся в литературу.

Я и представить тогда не мог, что буду писать послесловие к сборнику стихов Виктора Чепкина, который печатается уже без него.

У меня сохранилась фотография, на которой запечатлены однокурсники Витя Чепкин, Гоша Беляев, я и декан журфака Борис Николаевич Лозовский. Снимок сделан в 1996 году на праздновании 60-летия факультета. Витя с неизменной бородкой, с улыбкой в пол-лица. Он заразительно смеялся. Таким и запомнился мне.

Так получилось, что первыми однокашниками, с которыми я познакомился на первом курсе, были два Виктора – Чепкин и Расторгуев. Представьте: первые дни занятий, никого еще не знаешь. Те, кто постарше, держались особняком: рабфаковцы, они уже год провели за одной партой. И вот в перерыве подходят двое: давай познакомимся, собираемся создавать студенческое литобъединение. Как насчет писательства? С тех пор пролетело много лет, а вот это знакомство почему-то не стирается из памяти.

Витя Чепкин был чрезвычайно оптимистичным человеком, любил хохмы и анекдоты, хотя в его стихах звучат весьма мрачные мотивы. Судьба его лихо трепала, особенно в конце жизни, но, несмотря на это, он сохранил необыкновенную душевность и вообще слыл добряком и отзывчивым человеком. Так оно и было.

Он писал стихи, и все его друзья знали об этом. Слава Богу, теперь его строки собраны под одной обложкой. Поэт продлевает земной путь в стихах, вот и эта книжка – стихотворное продолжение судьбы Виктора Чепкина.

***

Если признать, что лирический герой отражает жизненный опыт поэта, то по стихам Виктора Чепкина можно проследить его биографию. Вот заботливая и нежная мать, уральское село Кузино, где прошли детство и юность Вити.

Выйду с матерью в сени
Я по давней привычке –
Ровно в шесть в воскресенье
Ухожу к электричке.
– Не ходи дальше, мама,
Не ходи за ворота...
Но с испугом, упрямо:
– Провожу, что ты, что ты!

За порогом родительского дома начиналась дорога в большую жизнь. Завод, рабфак, факультет журналистики. И любовь, пришедшая к нему в студенческую пору.

Тогда Витя казался счастливым человеком. Впрочем, он и был им. Он будто искрился от счастья.

Мне снился белый, белый город,
И мы к нему идем из тьмы.
Нет ничего: ни бед, ни горя.
Нет ничего. Есть только мы.
Мы шли, и ты мне улыбалась
Улыбкой нежной и земной,
И мне не верилось в усталость,
Пока Любовь была со мной.

Витя был однолюбом, и, полюбив, не представлял свою жизнь без Той, Единственной, Близкой. Он нашел избранницу на младших курсах нашего же факультета и чувство нежной любви к ней унес с собой в иной мир.

Мне кажется, любовь не только согревала, но и обжигала его. И разрыв с любимой он переносил не как большинство мужчин, дескать, с кем не бывает. Он переживал его как трагедию, как крушение всего разом, в одночасье.

Он как бы оцепенел: жизнь копошилась вокруг, менялась, но он ее не замечал. Не хотел замечать.

В том, что произошло, Витя винил только себя. Он не раз говорил мне, что сам разрушил здание семьи, которое возводил с усердием и старанием человека, для которого она, семья, составляет основу жизни, суть бытия.

Мы вроде все решили:
«Баш на баш»,
Но действовали путанно
И странно.
Мы разделили
Наш седьмой этаж
На третий и четвертый...
В разных странах.

Для него так и было: разъехаться на разные этажи – будто затеряться в разных странах.

И конечно, не давал покоя сын, будто отдаленный и отделенный от него некой невидимой границей.

Незадолго до кончины, месяца за два, он говорил мне, что гордится сыном, что его Александр Викторович заканчивает школу с медалью, и он уверен, что сына ждет учеба в университете и большое будущее. «Главное, – добавил Витя, – чтобы он не повторил моих ошибок».

Виктор жил воспоминаниями. Прошлое, за которое он чувствовал вину, не отпускало, не давало покоя, бередило душу. Рана, существовавшая в душе, не затягивалась, вернее, он сам не давал ей зарубцеваться. Он делал это сознательно, таким способом наказывая себя. И он судил себя – строго, бескомпромиссно, без скидок на смягчающие обстоятельства.

Быть может, он и пытался вырваться из замкнутого круга, границы которого определяла память, но делал это робко, без усилий, необходимых в таких случаях.

Зима одела в белое знакомые места,
Все кляксы грязи снегом запорошены.
Сначала все начну и с чистого листа –
Мне надоели рукописи прошлые.
И пусть строка шагов окажется легка
И не похожа на строку чужую.
Я ныне путь держу туда – за облака –
И верю, что на этот раз дойду я.

Витя ушел за облака, но новую рукопись так и не начал. Он был окутан Любовью – единственной и непреходящей.

***

Настоящие поэты, а не графоманы-версификаторы, наделены, на мой взгляд, эсхатологическим ощущением мира. Они болезненно воспринимают несуразицы бытия, несовершенство мироустройства. Такая трагическая нота слышна во многих стихах Виктора Чепкина, даже в его любовной лирике. Трагичность – своеобразный обертон творчества.

Судьбы прервалась нить,
Костер устал гореть,
И нечем больше жить,
И негде умереть...

И совсем страшные строки:

Я очнулся
На лесном ковре.
Надо мной
Июльская листва,
Но я ведь умер
В прошлом декабре,
Двадцать дней
Не дотянув до Рождества.

Виктора раздражало приспособленчество во всех его формах. Будучи журналистом до мозга костей, он не терпел фальши на газетных страницах, чувствовал ее в печатных строчках отдельных публикаций.

Его бескомпромиссность многих пугала, многих отталкивала. За какие-то газетные материалы от него доставалось и однокурсникам. «Борисыч, так нельзя писать!» – врывался он ко мне в кабинет, потрясая чьим-нибудь газетным опусом. И тогда к нему приходило разочарование не столько в профессии, сколько в человеке.

Сквозь чащобник на отблеск живого огня
шел и верил,
оказалось – гнилушки столетнего пня
не дотлели.

Этот же мотив звучит в другом стихотворении.

Все правлю к берегу какому-то,
послав покой куда подальше,
но держат лодку люди-омуты
в зеленой ряске лжи и фальши.

Плодом раздумий, что же происходит с нами, со страной, стал стихотворный цикл Виктора Чепкина «Россия». Как человека неравнодушного, его мучило осознание невозможности что-то сделать, что-то изменить, когда распадается государство, ломаются традиционные устои, а главное – разрушается человек, его нравственная основа. «Как-то измельчали люди, Борисыч», – поделился он наблюдением, когда, по-моему, на заседании Госдумы произошла очередная драка.

Жили ладно, жили шито-крыто
Под навесом неплохих идей.
Как дожили мы до дефицита
На десяток истинных людей?

Когда человеческие отношения подменяются денежным интересом – до сантиментов ли тут.

Девальвация моральных ценностей стала тяжким недугом Родины, будто ржа металл, разъедая традиционную русскую общинность.

Над Россией рок
Крылья распростер,
Вдоль и поперек
Заслонив простор.
Что за тяжкий крест
На спине несем –
От родимых мест
Не несет теплом.
Кружит воронье
Над былым жнивьем.
Все кругом – вранье,
Этим и живем.

Долго ли так будем жить? Мучимый этим вопросом, Виктор Чепкин от нас ушел, оставив его, этот проклятый вопрос, нам.

***

Виктору Чепкину поэтическое творчество представлялось чем-то сокровенным. В компаниях он редко читал свои стихи. Напоказ он не любил их выставлять. Помню, как-то мы с ним разговорились о поэзии. Повод представился подходящий: накануне он показал мне несколько стихотворений. Надо публиковать, начал я уговаривать его. А он посетовал, что не время еще, можно бы еще над строчками поработать, да все времени не хватает.

Правда, и пора была невеселая: на излете перестройки литературный процесс задыхался, журналы уже выходили с перебоями, а на сборник требовались деньги. Но, скорее всего, за этими отговорками скрывалась требовательность к поэтическому слову, к себе. Потому-то он и оставил нам в сущности не так много завершенных стихотворений, тщательно отбраковывая неудачные, по его мнению, строки.

Давайте помолчим!
Мы столько говорили,
Что потеряли нить и логику, и мысль.
Давайте помолчим,
Мы столько натворили.
Мы даже слову «жить» придали пошлый смысл.

Давайте говорить,
Мы столько лет молчали,
Что только седина все может рассказать.
Давайте говорить
Словами из начала.
И Боже сохрани опошлить все опять.

И все же о поэтическом сборнике В.Чепкин задумывался. Мы встречались с Витей, когда он работал в издательстве «Филантроп». Сказал, что появилась возможность издать книжку, что собирается разобрать разрозненные записи, привести их в порядок, словом, подготовить рукопись. Увы, не успел.

Виктора Алексеевича Чепкина не стало 4 августа 2001 года. Ему было 48 лет.

В его записках обнаружились такие вот поистине провидческие строки:

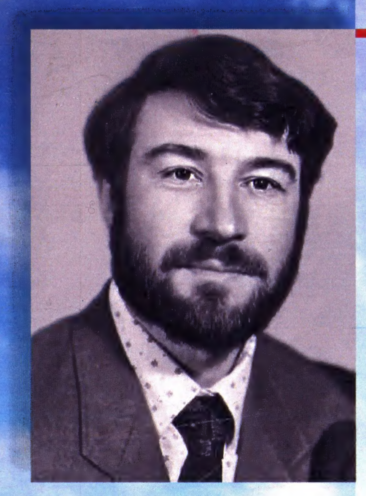
Я пишу полжизни книгу первую,
Точно зная, что она – последняя.

Так и получилось... Костер устал гореть.

Андрей Дуняшин.

Сердечная благодарность
Владимиру и Светлане Чирковым
за помощь в издании этой книги.

Редактор-составитель: Э.В. Чепкина.
Компьютерный набор: А.В. Чепкин, Э.В. Чепкина.
Вёрстка: Е.Е. Горбачёва.
Печать: Color Print Design

Виктор Чепкин

Виктор Алексеевич Чепкин родился 22 марта 1953 года в г. Рузаевка Мордовской АССР. Детство его прошло в селе Кузино Свердловской области. После окончания средней школы, в 1970–1971 годах, он учился в Свердловске в Техническом училище № 1, получил специальность фрезеровщика и начал работать на Машиностроительном заводе имени М.И. Калинина. Виктор активно участвовал в общественной жизни предприятия, занимался комсомольской работой, писал стихи и заметки в заводскую многотиражную газету «Калининец». В 1974 году его пригласили работать в штат редакции, а в 1976 он поступил на рабфак Уральского государственного университета им. А.М. Горького. С 1977 по 1982 год В.А.Чепкин учился на факультете журналистики УрГУ.

После окончания университета работал в редакции городской газеты «Красное знамя» в г. Верхняя Пышма, прошел путь от корреспондента экономического отдела до заместителя главного редактора. Несколько лет был редактором многотиражной газеты «В путь!» в г. Екатеринбурге, работал и в других печатных изданиях. С 1986 года был членом Союза журналистов СССР. Умер 4 августа 2001 года.

Стихи Виктор писал с ранней юности, относился к своему творчеству серьезно, хранил черновики и газетные публикации. Он мечтал издать книгу стихов и работал над подготовкой рукописи. Закончить не успел. В книге сохранен тот план, который вырисовывался из содержания «беловой» папки, однако включены и другие стихи Виктора.

Екатеринбург

2010

